

В.Д. Дзидзоев

Политико-правовое положение Южной Осетии и Абхазии

(в 20–30-е годы XX века)

В.Д. Дзидзоев*

Распад СССР повлек за собой грандиозные негативные последствия на всем постсоветском пространстве. Не будет преувеличением утверждение о том, что от распада СССР пострадали практически все народы бывшего Советского Союза. Однако больше всех от распада СССР пострадали российские народы, оказавшиеся за пределами современной Российской Федерации. К их числу можно отнести и самих русских, так как около 30 млн этнических русских остались за пределами Российской Федерации. Многие из них, как известно, стали гражданами «второго сорта» в независимых молодых государствах – Эстонии, Латвии, Литве и др. Во многих молодых независимых государствах, как известно, происходят болезненные процессы, связанные с ростом национального самосознания, с формированием демократических институтов, в целом политико-правовых аспектов демократических государств.

Среди наиболее пострадавших народов бывшего СССР следует назвать южных осетин, абхазов и некоторые другие малочисленные народы, которые с конца 80-х годов вынуждены были вести национально-освободительную борьбу против тбилисских властей. Известно, что власти бывшей Грузинской ССР вели шовинистическую политику в отношении негрузинского населения, в особенности в отношении южных осетин, абхазов, азербайджанцев, армян, турок-месхетинцев и др. Напомним, что на заре советской власти южные осетины, как известно, подверглись чудовищному акту геноцида летом 1920 г. Однако с установлением на территории всей Грузии и Южной Осетии советской власти многие проблемы, связанные с первым геноцидом южных осетин, были в

какой-то степени решены. Большевики, пришедшие в феврале 1921 г. к власти в Грузии, видя глубокие причины межнациональных разногласий и стремясь сохранить так называемую «территориальную целостность» Грузии, решили предоставить самые широкие полномочия в виде автономии коренным народам Абхазии и Южной Осетии. В первые годы советской власти большевики Грузинской ССР действительно старались реабилитировать репутацию меньшевиков Грузии, как кровавых палачей осетинского и абхазского народов, в глазах не только осетин и абхазов, но и широкой общественности Советского Союза. В этом плане большевики исправляли преступления и ошибки организаторов и вдохновителей геноцида осетин и абхазов летом 1920 г. Грузинские меньшевики с мая 1918 г. стали правящей партией в отделившемся от РСФСР молодом независимом государстве и добивались, чтобы вместе с ними вышли из состава РСФСР Южная Осетия и Абхазия. Однако основная масса осетинского и абхазского народов продолжала вести многолетнюю национально-освободительную борьбу против грузинского диктата, против шовинизма и экспансионизма тбилисских властей. Южные осетины и абхазы подверглись в 1918–1920 гг. чудовищным актам геноцида. Обращаю особое внимание на то, что южные осетины подверглись геноциду за категорическое нежелание выходить из состава РСФСР. Это при том, что в 1774 г. Осетия как единая политическая единица была принята в состав Российской империи без деления на Север и Юг. Важно подчеркнуть и то, что разделение административной границей единой Осетии на северную и южную части произошло 7 мая 1920 г., когда РСФСР и ГДР (Грузинская

* Дзидзоев В.Д. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова.

Демократическая Республика) подписали первый и пока единственный межгосударственный договор. Согласно этому договору, Южная Осетия и Абхазия, вопреки желанию своих народов, волюнтаристски были переданы Советской Россией ГДР, которая всегда претендовала на них. Этот акт был, на мой взгляд, большой исторической несправедливостью по отношению к южным осетинам и абхазам, а также серьезной стратегической ошибкой руководства РСФСР. Признание Москвой независимости Южной Осетии и Абхазии 26 августа 2008 г. является исправлением той ошибки, которая в силу различных причин была допущена 7 мая 1920 года.

С установлением советской власти грузинские большевики, как в Тбилиси, так и в Москве, прилагали большие усилия к тому, чтобы «не упустить» ни Южную Осетию, ни Абхазию. Высшие органы советской власти Грузии клятвенно уверяли южных осетин и абхазов в том, что притеснений негрузинских народов в Грузии больше никогда не будет. Советская власть торжественно обещала им «дружбу и братство навеки», «равноправные взаимоотношения», «справедливость в решении всех вопросов» и т. д. Взамен требовалось только одно – «добровольно», на правах самой широкой автономии, быть в составе «братской» Грузии. Предоставление автономии Южной Осетии многие осетины рассматривали как реальное воплощение большевистской национальной политики, как важнейшее звено демократических преобразований и строительства новой социалистической многонациональной Грузинской ССР в составе СССР. Заметим, что основополагающий принцип национально-территориальной автономии, которую получили южные осетины, высшее советское руководство СССР и Грузинской ССР рассматривало как реальное воплощение права нации на самоопределение. Другими словами, истерзанный и многострадальный народ Южной Осетии получил от советской власти реальную возможность устроить свою жизнь относительно добровольно в собственной Юго-Осетинской автономной области (она была провозглашена в апреле 1922 г.), которая входила в состав Грузинской ССР. Это давало южным осетинам право вступать с другими народами Грузинской ССР, в том числе с грузинами, в федеративные отношения, т.е. в равноправные политико-правовые отношения больших и малочисленных народов, созда-

вавших новое государственное образование в форме Грузинской ССР. В этой связи в высшей степени интересным представляется «забытая» исследователями статья 2 Конституции Грузинской ССР 1927 года, которая гласила: «Республика Грузия есть социалистическое государство рабочих и трудового крестьянства, строящееся на основе **федерации** (выделено мною. – *Авт.*) национальных советских республик. Вся власть в пределах Грузии принадлежит Советам рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» [1]. Таким образом, Социалистическая Советская Республика Грузия 10 лет, с 1927 по 1937 гг., признавала себя федеративным государственным образованием, от чего в последующем власти в Тбилиси опрометчиво стали отказываться, накаляя межнациональные страсти и искусственно создавая большие проблемы во взаимоотношениях республиканского центра и федеративных частей – Южной Осетии, Абхазии и Аджарии. В Конституциях Грузинской ССР 1937 и 1977 годов уже исчезло упоминание о федеративном устройстве союзной республики, хотя фактически Грузия была и остается федеративной страной, так как федерация – это «форма государственного устройства, предполагающая, что в состав государства входят несколько относительно самостоятельных образований (штатов, земель, кантонов, республик и т.п.)» [2]. Необходимо подчеркнуть, что суверенитетом при этом обладает лишь союзное, т.е. федеративное государство, как, например, Российская Федерация, Федеративная Республика Германия, США и т.д. Однако полномочия в таком государстве должны быть разделены между федерацией и ее субъектами на основе федеральной конституции. На примере Советской Грузии это должно было выглядеть следующим образом: Социалистическая Советская Республика Грузия, признавая факт своего федеративного устройства, должна была разделить полномочия между федерацией и ее субъектами – Аджарией, Абхазией и Южной Осетией на основе федеральной конституции. Однако политическое руководство Грузии всегда отвергало федеративность своего государства, полагая, что таким образом оно будет способствовать укреплению территориальной целостности. На самом деле такая позиция тбилисских властей была ошибочной и в конечном итоге привела к развалу Грузинской ССР. Возвращаясь к вопросу фе-

деративного устройства Грузинской ССР, отметим, что «федерацию называют союзным государством, в отличие, с одной стороны, от конфедерации (союза государств), а с другой, унитарного (единого) государства, территория которого состоит из административных единиц» [2]. Специалисты, как правило, выделяют так называемые «мягкие федерации», где субъект федерации имеет право выхода из состава федеративного государства и является субъектом международного права. «Мягкой федерацией» можно назвать Союз ССР, являвшийся к тому же «матрешечной» федерацией. Так, входившие в состав Союза ССР Российская и Закавказская Советские Федеративные Социалистические Республики также считались федерациями [2].

Предоставление в 1922 г. автономии Южной Осетии в Москве и Тбилиси рассматривали как важнейшее звено равноправных политико-правовых взаимоотношений грузинского и осетинского народов, как залог межнационального благополучия и надежную перспективу окончательного разрешения национального вопроса на базе советской власти, исходя, конечно же, из права нации на самоопределение. Следует иметь в виду, что именно на базе советской власти и исходя из права нации на самоопределение грузины реализовали свое право на самоопределение и начали строить свое социалистическое государство в форме многонациональной федеративной Грузинской ССР. Важно подчеркнуть, что автономию давали в Советском государстве тем народам, которые пожелали остаться в составе любой союзной республики, в целом в составе бывшего Советского Союза. Конечно, сегодня уже трудно выяснить степень объективности, добровольности или демократизма в решении этого судьбоносного вопроса. В то время, как известно, референдумы по вопросам предоставления автономии в составе союзной республики или же выхода из состава СССР не проводились. Поэтому очень сложно сегодня говорить однозначно о степени демократизма или объективности в решении таких важных вопросов. Тем не менее можно утверждать, что советская автономия предполагала большую долю самостоятельности. Южные осетины в первые годы советской власти имели достаточно прав и свобод для решения своей внутренней жизни в составе Грузинской ССР. Испытавшие последствия страшного геноцида 1920 года, осетины

относительно самостоятельно решали в 20–30-гг. XX в. многие вопросы, которые входили в компетенцию Юго-Осетинской автономной области. Так, например, они организовывали свои местные органы государственной власти, суды, школы, культурные, спортивные, развлекательные, просветительские и т.д. учреждения. Таким образом, южные осетины в составе Грузинской ССР имели возможность развивать ускоренными темпами свою внутреннюю жизнь с учетом общественно-политических и экономических реалий бывшей Грузинской ССР и СССР.

Надо сказать, что автономия в Советском государстве рассматривалась как одна из форм национально-государственного строительства, создания нового федеративного Советского многонационального государства. Важно подчеркнуть и то, что автономия, например, Юго-Осетинской автономной области не является государственной независимостью нации, т. к. государственные полномочия и круг важнейших вопросов, составляющих ее компетенцию, хотя и разрабатываются ею самой, но подлежат утверждению высшей властью союзной республики. В данном случае – Верховным Советом Грузинской ССР. В отличие от других административно-территориальных единиц, «автономные формирования первоначально сами намечают круг вопросов своей автономии путем принятия определенных нормативных актов. Например, автономная республика разрабатывает и принимает свою конституцию, а автономная область разрабатывает и принимает проект закона союзной республики об автономной области. Конституция автономной республики в последующем санкционируется высшим органом союзной республики, а проект закона об автономной области выносится на сессию Верховного Совета и принимается в качестве закона от имени этой республики» [3]. В Конституциях СССР были прописаны политико-правовые основы автономий, в том числе и Южной Осетии. Они были прописаны и в Конституциях Грузинской ССР, а также в нормативных актах, принимаемых Юго-Осетинской автономной областью. Таким образом, в 20–30 гг. XX в. советская власть сделала многое для роста национального самосознания малочисленных народов, в том числе и южных осетин, для укрепления базы автономных формирований, в том числе и Южной Осетии. Конечно, в бывшей Грузинской

ССР время от времени допускались серьезные перегибы в национальной политике и в межнациональных отношениях. Высшее политическое руководство Грузинской ССР «тайно» от ЦК КПСС и руководства СССР переходило в «тихое наступление» на права Южной Осетии и Абхазии, подавляя права негрузинских народов, например армян, азербайджанцев, туркомехетинцев и др. Это неоднократно становилось предметом острых и резонансных политических дискуссий не только в высшем руководстве Грузинской ССР, но и в ЦК КПСС. Перегибы высшего политического руководства Грузинской ССР в национальном вопросе признавали даже бывший первый секретарь ЦК Компартии Грузии Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе, другие руководители Грузинской ССР, а также в ЦК КПСС. Так, Э.А. Шеварднадзе в своем выступлении на XI пленуме ЦК КП Грузии 27 июня 1978 г. по поводу трагических событий 30–50-х гг. в Абхазии подчеркивал: «Прямо надо сказать, что в прошлом, в известном нам периоде, в отношении абхазского народа проводилась политика, которую практически следует назвать как шовинистическую, давайте будем называть вещи своими именами, которые в корне противоречили как интересам грузинского народа, так и интересам абхазского народа» [4]. Конечно, Э.А. Шеварднадзе, как всегда, лукавил, когда признавал факт грузинского шовинизма, который, по его утверждению, противоречил интересам грузинского и абхазского народов. Национализм – «идеология и политика, а также психология в национальном вопросе, основывающиеся на понятии нации как высшей ценности и формы общности, на тезисе о ее первичности в государствообразующем процессе» [2, с. 198] – в грузинском обществе всегда играл доминирующую роль, и от этого, как правило, страдали все негрузинские народы, в том числе осетины и абхазы, которых всегда насильно толкали в то самое грузинское общество. Грузинские националисты, как правило, всегда выдавали за общенациональные интересы Грузии устремления социальной группы, которая выступает в конкретно исторических условиях носителем и проводником националистической идеологии и политики. Необходимо также помнить, что грузинский национализм нередко принимал крайнюю форму – шовинизма, который «характеризуется этнической, культурной и религиозной нетерпимостью,

сближается с расизмом и ведет к острым внутренним или межгосударственным конфликтам» [2, с. 198]. Здесь следует пояснить, что национализм как политологическое понятие вбирает в себя целый комплекс представлений о своей нации, о ее месте среди других наций, и он складывается на протяжении многих веков. Заметим и то, что до сих пор нет четких критериев национализма, которые бы позволили дать определение максимально ясное и аргументированное. Так, для грузинских националистов национализм – это патриотизм, любовь к Грузии, ее истории и культуре, преданность своей стране. Здесь важно подчеркнуть, что в Грузии, в отличие от Франции, Великобритании или США, под нацией подразумевают именно грузин – по этногенезу, национальному самосознанию, языку, культуре и другим важнейшим этническим показателям. Что касается перечисленных и некоторых других многонациональных государств, то здесь под нацией подразумевают интернациональное сообщество граждан этих стран, общность всех людей, являющихся гражданами этих стран, независимо от их этнической принадлежности. Проще говоря, в США, например, в понятие «американская нация» входят этнические евреи, поляки, греки, русские, украинцы и т.д., являющиеся равноправными гражданами США. Что касается народов, оказавшихся в различные времена по воле политиков в составе Грузинской ССР (например, южные осетины, абхазы, армяне, азербайджанцы, туркомехетинцы, кварельские дагестанцы и т.д.), то они грузинскими националистами, интеллектуалами и политиками рассматривались как «не наши». Именно это противопоставление «наших» (грузин) и «не наших» (осетин, абхазов, армян и др.) привело в начале 90-х годов к развалу так называемой «территориальной целостности» Грузинской ССР. Примеров грузинского шовинизма можно привести немало. Так, бывший председатель Совета Министров Грузинской ССР В.М. Бакрадзе в своем выступлении на Абхазской областной партконференции в мае 1953 г. признал, что «в Абхазии в широких масштабах творилось беззаконие. Сейчас обнаружилось такие извращения советских законов (особенно в сфере национальной политики СССР и межнациональных отношений в Абхазии. – *Аем.*), от которых уши вянут... В Абхазии имеется много извращений во всех областях хозяйственного

и культурного строительства» [5]. Можно себе представить эти масштабы, если даже председатель Совмина Грузинской ССР вынужден был публично признать их. Следует подчеркнуть, что эти беззакония творились с ведома, а иногда и по инициативе высшего политического руководства Грузинской ССР. Приведу еще один конкретный пример. Президиум ЦК КПСС в июле 1956 г. принял Постановление «Об ошибках и недостатках в работе Центрального Комитета Коммунистической партии Грузии», в котором указывалось на грубейшие нарушения советской национальной политики в Абхазии. Так, в Постановлении подчеркивалось: «В Абхазии, Юго-Осетии искусственно разжигалась рознь между грузинами, абхазами, армянами, осетинами, умышленно проводилась линия на ликвидацию национальной культуры местного абхазского, армянского и осетинского населения, осуществлялась его насильственная ассимиляция» [5, с. 14–15]. Здесь, на мой взгляд, комментарии уже не нужны. Конечно, если бы не было многочисленных перегибов, неоднократных попыток «придавить» Южную Осетию и Абхазию, великодержавного грузинского шовинизма, нелицеприятной грузинской фанаберии, сегодня, я уверен, судьба Грузии могла бы выглядеть более привлекательной и значительно перспективней. Однако многочисленные ошибки в национальной политике, откровенный и воин-

ственный грузинский шовинизм, никогда не признававший равные условия межнационального сотрудничества с другими народами Грузинской ССР, мечтавший поглотить законные права Южной Осетии и Абхазии, в конечном итоге привели к формированию мощного национально-освободительного движения осетинского и абхазского народов. Эта изнурительная многолетняя борьба стала поводом для тбилисских властей, развязывавших преступные, захватнические войны в Южной Осетии и Абхазии, последняя из которых, начатая фашистским режимом Михаила Саакашвили в августе 2008 г. на территории Южной Осетии, завершилась третьим геноцидом южных осетин, позорным поражением «доблестной армии» Грузии, признанием независимости Республики Южная Осетия и Республики Абхазия и окончательным развалом так называемой «территориальной целостности» Республики Грузия. Все эти проблемы имеют много общего и требуют комплексного анализа для того, чтобы рассказать о них объективно и правдиво. Уверен, что исследователи как самой Грузии, так и Южной Осетии, Абхазии, Российской Федерации и других государств этим проблемам посвятят еще немало научных исследований, которые откроют глаза общественности на многие скрытые факты и причины обострения межнациональных отношений в Грузии и ее распада как единого «территориально-целостного» государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Основной Закон (Конституция) Советской Социалистической Республики Грузия** // Съезды Советов союзных и автономных Советских Социалистических Республик Закавказья. 1923–1937 гг. – М., 1964. С. 497.
2. **Большая** актуальная политическая энциклопедия (1000 актуальных понятий современной политической жизни). – М., 2009. С. 356.
3. **Маргиев В.И.** Правовой статус Юго-Осетинской автономной области (становление, развитие, перспективы). – Цхинвали, 1990. С. 16.
4. **Лежава Г.П.** Изменение классово-национальной структуры населения Абхазии (конец XIX–70-е гг. XX в.). – Сухуми, 1989. С. 24.
5. **Абхазия: документы свидетельствуют. 1937–1953 гг.** (сборник материалов). – Сухум, 1992. С. 12–13.

